

PERSONALIA: ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Р. Ю. Почекаев

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОГО ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА К. П. ФОН КАУФМАНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

АННОТАЦИЯ. Прослеживается эволюция оценки личности и деятельности первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отечественной дореволюционной, советской и современной историографии. Использование не только общеисторического, но и политико-антропологического подхода позволяет лучше понять, почему поначалу авторы сведений о Кауфмане старались идеализировать его, обращая больше внимания на личные качества, а затем превратили его в некую «схематичную» фигуру в череде глав туркестанской администрации, олицетворявшую успехи России в этом регионе. Анализ особенностей политической ситуации и личного отношения отдельных авторов к туркестанским властям в начале XX в. объясняет причины формирования негативного образа К. П. фон Кауфмана на страницах ряда газет того времени, а также в исторических трудах первых десятилетий советской власти, «нейтральное» отношение к нему во второй половине XX в. и, наконец, попытки «реабилитации» Кауфмана в постсоветской российской исторической традиции. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значительный интерес к Кауфману начиная с 1880-х гг. и до настоящего времени его личность оказывается весьма противоречивой, а деятельность слишком масштабной, чтобы можно было создать его полноценную и однозначную биографическую характеристику, особенно с учетом меняющегося отношения к политике Российской империи в целом и на ее центрально-азиатском направлении в частности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: К. П. фон Кауфман, Российская империя, Центральная Азия, отечественная историография, антропология власти, личность в истории

УДК 94 (575.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-164-176

ПОЧЕКАЕВ РОМАН ЮЛИАНОВИЧ — к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: prochekaev@hse.ru

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-01-0005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор благодарит анонимного рецензента за ряд ценных рекомендаций.

Использование методов политической антропологии в исторических исследованиях позволяет по-новому рассматривать уже, казалось бы, хорошо изученные проблемы. Возможность связать развитие политических, административных, правовых процессов с личностными особенностями конкретных государственных деятелей сравнительно недавно стала привлекать исследователей, положив начало особому подходу в исторических исследованиях, который они характеризуют как «антропологию власти» (Бикташева 2011; Кравчук 2016)¹. Однако, как представляется, возможности такого подхода могут быть использованы при анализе не только фактической информации о деятельности тех или иных правителей, администраторов и прочих лиц, но и историографических оценок этих деятелей с учетом целей и задач формирования их того или иного образа в исторических источниках и исследованиях.

Целью нашего исследования является анализ эволюции в оценках личности первого туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана (1818–1882, на должности — в 1867–1882) в отечественной историографии, причины формирования разных позиций в отношении этого деятеля в различные периоды отечественной истории. Соответственно своей задачей мы видим не столько обзор историографии, посвященной К. П. фон Кауфману, сколько анализ основных тенденций в оценке деятельности Кауфмана российскими авторами начиная с его современников и вплоть до настоящего времени. Полагаем, что на основе этого анализа может появиться и ответ на вопрос, почему до сих пор не было создано ни одной целостной научной биографии К. П. фон Кауфмана.

Наверное, первыми работами, в которых анализируется деятельность первого туркестанского генерал-губернатора, являются записки его современников, представляющие собой, по сути, воспоминания о нем. Большинство из них написано в 1880–1910-е гг. Особенностью этих воспоминаний является то, что они не столько оценивали деятельность Кауфмана и ее эффективность, сколько выражали свое отношение к его личным качествам и поступкам. Именно в таком ключе подается информация о К. П. фон Кауфмане в записках как его сподвижников (Колокольцев 1887; Эвальд 1897; Остроумов 1899; Корнилов 1901; Никотин 1903; Федоров 1913; Гене 1914), так и недоброжелателей (Пантелеев 1958; Герцен 1959; 1960; Валуев 1961; Врангель 2003). Надо полагать, близость к генерал-губернатору в известной степени препятствовала видению масштабов его деятельности, ее эффективности, поэтому современники и сосредоточивались на конкретных фактах из его биографии (личной и служебной), свидетелями которых сами являлись, естественно, стараясь подчеркнуть, как его положительные качества и достоинства проявлялись в общении непосредственно с ними. Однако, как мы покажем ниже, эти воспоминания в целом оказались невосстановленными исследователями и привлекались ими весьма избирательно.

Более целостная информация о деятельности Кауфмана содержится в записках еще двух его современников и близких знакомых — Д. А. Милютин и А. Н. Куропаткина, которые оба, будучи военными министрами, уже в силу занимаемой должности должны были уделить внимание именно деятельности К. П. фон Кауфмана как должностного лица, подведомственного их министерству. Д. А. Милютин был военным министром как раз в тот период, когда Кауфман возглавлял Туркестанский край (именно Милютин и способствовал его назначению на пост генерал-губернатора) и весьма часто общался с ним именно по служебным вопросам. Неудивительно, что в его дневнике Кауфман в большей степени предстает как государственный деятель, о его личных качествах Милютин упоминает весьма скупно (Милютин 1999; 2003; 2005; 2006; 2008; 2009; 2010а; 2010б). Что

¹ Считаю необходимым подчеркнуть, что термин «антропология власти» не является синонимом «политической антропологии», как его прежде использовали ученые (см., напр.: Антропология власти 2006).

касается А. Н. Куропаткина, то он, в свою очередь, был подчиненным Кауфмана в Туркестане, а военным министром стал гораздо позднее, на рубеже XIX–XX вв. Свою оценку деятельности Кауфмана он дал не в дневнике, как Милютин, а в воспоминаниях, которые писал уже в последние годы своей жизни, в 1914–1924 гг. (Карпеев 1994). Соответственно он также имел возможность более широко оценить действия первого туркестанского генерал-губернатора в самых разных сферах.

Любопытно отметить противоречивость оценок К. П. Фон Кауфмана его современниками. Так, Д. А. Милютин, поддерживая с ним отношения «почти дружеские», тем не менее отметил в своем дневнике стремление генерал-губернатора «разыгрывать роль царька» (Милютин 2010b: 34). В то время как Н. П. Остроумов, напротив, имевший серьезные расхождения с Кауфманом по ряду вопросов (в частности, по религиозной политике и народному образованию в Туркестанском крае), отзывался о нем в высшей степени положительно. Думается, подобные факты свидетельствуют о противоречивости самой личности К. П. фон Кауфмана, что имело немалое значение и для проводимой им политики.

Следующая группа работ — это труды, появившиеся уже после смерти Кауфмана и написанные лицами, не знавшими его лично в 1900–1910-е гг. Эти работы представляют собой практически «панегирики» первому туркестанскому генерал-губернатору. Наиболее информативными из них являются, несомненно, биографические очерки, в частности Е. М. Толбухова и Б. Чицова, которые опирались на сведения из послужного списка Кауфмана, другие документы, ранее изданные работы, в которых давалась характеристика его деятельности (Толбухов 1909; 1913; Чижев 1915). Немало сведений и оценочных суждений о Кауфмане содержится в исследованиях по истории присоединения Средней Азии к России, в первую очередь в фундаментальном труде М. А. Терентьева (Терентьев 1906). Особое место среди этих «панегириков» занимает «Кауфманский сборник», подготовка которого была приурочена к 25-й годовщине со дня смерти К. П. фон Кауфмана. Наряду с научными статьями, в нем присутствует целый блок материалов, посвященных различным направлениям деятельности первого туркестанского генерал-губернатора: это и вступительная статья А. А. Семенова о «покорителе и устройтеле Туркестанского края», и сведения о Хивинском походе (В. В. Бартольд), и политика Кауфмана по отношению к Афганистану (А. А. Семенов), и его роль в создании Туркестанской публичной библиотеки (Л. Ю. Б.) (Кауфманский сборник... 1910).

Критика действий Кауфмана в этих публикациях практически отсутствует, что в полной мере отвечает государственной идеологической линии того времени: требовалось подчеркнуть успешность политики Российской империи в Средней Азии. Соответственно положительная оценка деятельности К. П. фон Кауфмана, ее характеристика как успешной, масштабной и прочее «автоматически» формировали представление и о последующем управлении Туркестаном как об успешном и эффективном². В результате первый генерал-губернатор слегка «теряется» в кругу своих преемников на этом посту, других участников «завоевания и устройства» региона. Нечего и говорить о том, что подобный подход также не позволяет в полной мере оценить его деятельность на посту начальника края. Работа М. А. Терентьева в этом плане отличается от остальных, поскольку автор использует исторические документы, однако, по небезосновательному суждению последующих исследователей, и в его труде присутствует «прославление» Кауфмана, что опять же роднит его с другими публикациями того времени. Абстрактность образа Кауфмана подчеркивается тем, что

² Характерным примером подобного подхода является художественное произведение — роман туркестанского чиновника Н. Д. Ильина «В новом краю» (1913), в котором автор осуждает деятельность представителей администрации Туркестанского края, в том числе непрофессионализм и коррупцию чиновников, однако при этом идеализирует образ самого К. П. фон Кауфмана (см.: Левтеева 1986: 74–75).

Терентьев опирался не на личные мнения современников, а преимущественно на официальную документацию — приказы, переписку, договоры и пр.³ Несмотря на разнообразие этих работ по содержанию, задачам, жанрам, их объединяет одно: в них К. П. фон Кауфман, можно сказать, утрачивает индивидуальные черты и превращается в довольно абстрактного представителя имперской военной и административной системы.

В 1907–1908 гг. в российской печати появилась целая серия статей в связи с возведением памятника К. П. фон Кауфману в Ташкенте, инициированным действующим на тот момент генерал-губернатором Н. И. Гродековым. Авторы публикаций, казалось бы, отражали отношение различных групп общественности к его деятельности, ведь их материалы публиковались как в хорошо известных и влиятельных изданиях «Гражданин», «Новое время», «Русские ведомости», так и в региональных газетах — «Ташкентский курьер», «Туркестанские ведомости» и др. Однако анализ самих публикаций показывает, что личность и деятельность Кауфмана интересовала их авторов в самую последнюю очередь.

Если поначалу публикации содержали лишь незначительную критику «избирательного» подхода Н. И. Гродекова к персоналиям, которых предлагалось изобразить на памятнике, и рекомендациям о включении в их число сподвижников Кауфмана по «туркестанским походам», а также выдающихся ученых, которые исследовали Туркестан при поддержке первого генерал-губернатора (ТС 1907 Т. 434: 100–101, 139–140; ТС 1907 Т. 442: 1; ТС 1907 Т. 444: 112–113), то очень скоро риторика резко изменилась. Некий И. В. Р. в газете «Русская земля», приветствуя идею памятника, критикует Гродекова за то, что тот решил поместить медальоны с именами других выдающихся завоевателей края — М. Г. Черняева, Г. А. Колпаковского, А. К. Абрамова и М. Д. Скобелева — «у подножия» статуи Кауфмана из личной зависти, поскольку по сравнению с ними ничем себя не проявил. В результате, продолжает автор, Гродеков, принижая этих военачальников, оказывает «медвежью услугу» (именно так называется сама статья) самому К. П. фон Кауфману, который «никогда не создавал своей славы на умалении заслуг соперников. Обаяние его росло и ширилось помимо его воли» (ТС 1908 Т. 464: 91–92).

Весьма резкую антипатию в отношении как идеи памятника, так и самого Кауфмана продемонстрировал А. С. Суворин, который обвинил его в отсутствии воинских талантов по сравнению, в частности, с теми же М. Д. Скобелевым и М. Г. Черняевым, и интриганстве против последнего, заявив: «Без Черняева не было бы Кауфмана в Туркестане, но без Кауфмана были бы и Черняев, и Скобелев» (ТС 1908 Т. 465: 141). Его скандальная статья в «Новом времени» вызвала негативную реакцию «туркестанцев», которую наиболее ярко выразил Г. П. Федоров, незадолго до эпопеи с памятником занимавший весьма значительный пост правителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В своем открытом письме в газете «Гражданин» он прямо обвинял Суворина в том, что тот стремился «бросить грязью в человека, давно умершего и, следовательно, не имеющего возможности доказать, что на него клеветают», заявляя, что еще осталось немало людей, знавших «рыцарски благородный характер Кауфмана, его кристальную чистоту и честность» (ТС 1908 Т. 460: 91–92).

При этом ни сторонники, ни противники Гродекова не заботились о том, насколько их обвинения или славословия в адрес Кауфмана соответствовали истине: своими словами они демонстрировали

³ При этом, впрочем, нельзя не согласиться с мнением о том, что «имперский нарратив» М. А. Терентьева не был «лжив и бесчувственен», а мог быть вполне ироничным и наблюдательным», что выразилось, в частности, в том, что он сам «вводил градацию существенных событий и несущественных, то есть достойных подробного рассказа, упоминания или забвения», уделяя больше или меньше внимания деталям тех или иных событий (Абашин 2015: 78–79).

критику или поддержку именно действующего генерал-губернатора. Так, Суворин, превознося заслуги Черняева и Скобелева, почему-то гораздо больше внимания уделил их действиям во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а не в Туркестане, а обвинения в адрес Кауфмана основывал на том, что он был «русским инородческого... немецкого происхождения»⁴ (ТС 1908 Т. 465: 142), в чем нашли отражение националистически патриотические взгляды этого публициста. Под конец же он прямо давал понять, что его критика направлена именно против Гродекова, поскольку Кауфман «был хороший генерал-губернатор», тогда как Гродеков, «неизвестно по какому праву» решил поставить ему памятник, умалив заслуги Черняева и Скобелева, потому что сам ничем себя не проявил и просто-напросто завидовал им (ТС 1908 Т. 465: 141, 143). Сторонники же Кауфмана, стремясь защитить его «светлый нравственный облик», не менее бездоказательно заявляли, например, что «его отношения к завоевателю Ташкента М. Г. Черняеву отнюдь не были враждебны» (ТС 1908 Т. 464: 11), хотя сохранились письма К. П. фон Кауфмана, в которых он крайне резко отзывался о Черняеве, называя его «дивана»⁵ и числа среди своих главных недоброжелателей (Бухерт 2003b: 16).

Таким образом, в этих газетных публикациях К. П. фон Кауфман из конкретного государственного деятеля превратился в «разменную монету» в политических дискуссиях, которые вели сторонники и противники действовавших к этому времени властей Туркестанского края.

В историографии первых десятилетий советской власти работ, непосредственно посвященных К. П. фон Кауфману, не появлялось, что вполне соответствовало историографическому принципу того времени, заложенному М. Н. Покровским: исследователи сосредоточивались на изучении процессов и тенденций, а не отдельных исторических личностей. Тем не менее не отметить роль первого туркестанского генерал-губернатора в своих работах они не могли. Любопытно, но в используемом ими подходе при оценке этого деятеля можно увидеть много общего с подходом их дореволюционных предшественников: ранние советские историки также видели в Кауфмане всего лишь представителя «колониальной» и «империалистической» системы, перенося на него многие ее недостатки и ошибки и прибегая при этом порой к довольно грубым инсинуациям.

Так, многие советские авторы, говоря о масштабных злоупотреблениях в Туркестанском крае, взяточничестве, казнокрадстве и прочем, утверждают, что этим занимались все, «вплоть до генерал-губернатора» (Галузо 1935: 78; История... 1947: 257). Хотя даже недруги К. П. фон Кауфмана, обвиняя его в самых разных грехах, никогда ни слова не говорили о его финансовых злоупотреблениях (включая Ф. К. Гирса, ревизовавшего Туркестанский край после смерти Кауфмана по инициативе другого его недруга М. Г. Черняева). Аналогичным образом при оценке российской политики в Афганистане в конце 1870-х гг. (вторая британская оккупация), исследователи обвиняют Кауфмана в том, что он «уваливал от выполнения своих обязательств» по отношению к эмиру (Штейнберг 1941: 62). Между тем, как показывает анализ документов, подобной позиции придерживались представители центральных властей, тогда как туркестанский начальник, напротив, выступал за весьма активное вмешательство в афганско-британский конфликт на стороне Афганистана («Большая игра»... 2014).

Самое же распространенное обвинение Кауфмана — его «колониаторская» политика, жестокость по отношению к местному населению и пр. Так, его действия против Кокандского ханства, итогом которых стала ликвидация этого государства и присоединение его территории

⁴ Современники К. П. фон Кауфмана, а за ними и исследователи неоднократно подчеркивали, что он, несмотря на свою немецкую фамилию, был «настоящим русским и православным». Тем не менее в историографии можно отметить неоднократные попытки спекуляций на его фамилии (в особенности приставки «фон») с целью подчеркнуть его немецкое происхождение и предполагаемое лютеранское вероисповедание (см., напр.: Волков 2016: 10–11; Герцен 1960: 127).

⁵ Так в Средней Азии называли безумных или бесноватых.

к Туркестанскому краю в 1876 г., характеризуются как «карательные», при этом Кауфмана обвиняют и в жестоких действиях его подчиненного М. Д. Скобелева (Павлов, Рабинович 1936: 51–52). И, конечно же, советские авторы не преминули всячески раздуть единственный пример жестокости, проявленной К. П. фон Кауфманом в период присоединения Средней Азии, вызвавший негативные отзывы даже со стороны его современников. Речь идет о расправе с туркменами-йомудами, совершенной на основании приказа Кауфмана его подчиненным генералом Н. Н. Головачевым во время похода на Хиву 1873 г. Самому Кауфману пришлось оправдываться по поводу отданного им приказа, да и впоследствии исследователи по-разному оценивали его действия, также порой находя им оправдание (Бухерт 2016; Глушенко 2010: 201–210). Однако советские историки 1920–1950-х гг., конечно же, не могли упустить возможность и использовали этот пример (по сути единичный) в качестве характерного для Кауфмана проявления жестокости в отношении местного населения⁶. Уже риторика авторов этих публикаций не оставляет возможности для двоякого толкования действий генерал-губернатора: Кауфман «решил показать свою “доблесть” по отношению к туркменским племенам», «разбойничья дикая расправа» и т. п. А мнения современников, которые положительно оценили действия Кауфмана против туркмен, в глазах историков лишней раз подтверждают, что он действовал в русле общей имперской политики и, следовательно, являлся таким же «жестоким колонизатором», как и многие другие его современники (Рабинович 1936: 2, 3, 6).

Вторая половина XX в. стала своего рода «переломным этапом» в оценке К. П. фон Кауфмана. С одной стороны, ранее охарактеризованный подход, в соответствии с которым его деятельность однозначно осуждалась, продолжал применяться (Кастельская 1980: 19, 23, 28–29; СИЭ 1965: 132). Вместе с тем в этот период берет начало новая тенденция в характеристике деятельности К. П. фон Кауфмана: исследователи стараются непредвзято оценить факты, опираясь на исторические документы. Нельзя говорить, что Кауфман стал оцениваться положительно, однако постоянные обвинения в жестокости и «колонизаторстве» практически исчезают из исследований. В результате в поздний советский период, скорее всего, будет корректно говорить об отсутствии оценки деятельности Кауфмана, о нейтральном изложении фактов, признании роли первого туркестанского генерал-губернатора в формировании международных отношений Российской империи в Центральной Азии (Халфин 1965)⁷, развитии науки в Туркестанском крае (Лунин 1965: 100–101, 106, 109–110, 116, 126; см. также: Беленчук 2002: 79). Вместе с тем в 1960–1980-е гг. специальных работ о Кауфмане по-прежнему не встречается, хотя некоторые специальные исследования и посвящены событиям, в которых он играл ключевую роль (см., напр.: Дмитриев 1969). Воспоминания современников о Кауфмане (анализ которых мог бы способствовать формированию его объективного образа) исследователями практически не используются, за исключением работ историографического характера, в которых они упоминаются и кратко характеризуются, но не анализируются (см., напр.: Левтеева 1986: 15, 20–22, 30–31, 66).

Ситуация существенно меняется в постсоветский период, когда исследователи истории Средней Азии в составе Российской империи получили возможность отойти от идеологических установок и больше внимания уделить уже отдельным государственным и военным деятелям. Неудивительно, что Кауфман стал одним из первых — своего рода «символом» изменения идеологической линии. Проявлением отхода от прежних установок стали публикации, в которых предпринимались

⁶ Ярким примером широкого использования именно этого примера как средства критики К. П. фон Кауфмана и его политики в Средней Азии является статья, посвященная действиям в Кокандском ханстве, при этом содержащая иллюстрацию «Кровавая расправа генерала Кауфмана с туркменами», т. е. относящаяся к совершенно другим событиям (Павлов, Рабинович 1936: 54).

⁷ При этом, хотя Н. А. Халфин негативно оценивает вышеупомянутые действия Кауфмана против туркмен, в целом он описывает его деятельность нейтрально, в строгом соответствии с документами и избегая субъективных оценок.

попытки «реабилитации» первого туркестанского генерал-губернатора. В 1989 г. в газете «Фрунзенец» была опубликована статья М. Попова «Полководец и дипломат», вызвавшая резкое осуждение представителей исторической науки как раз из-за того, что автор попытался увидеть в действиях Кауфмана не только отрицательные, но и положительные моменты (Зияев 1990).

Современные отечественные исследователи, следуя традиции, сложившейся в поздней советской исторической науке, стараются оценивать деятельность К. П. фон Кауфмана, опираясь на исторические документы. Ряд специалистов даже специально сосредоточивается на вводе в научный оборот документов, ограничиваясь их комментарием, по сути, предлагая читателям самим делать вывод как о центральноазиатской политике России в целом, так и о деятельности К. П. фон Кауфмана в ее рамках («Большая игра»... 2014; Бухерт 2003а; 2003b; Бабаджанов и др. 2016). Аналогичного подхода придерживаются исследователи, который рассматривают отдельные направления имперской политики, затрагивая участие в них К. П. фон Кауфмана. В частности, в исследовании Е. Ю. Сергеева о «Большой игре» образ К. П. фон Кауфмана в контексте противостояния России и Англии в борьбе за Среднюю Азию представлен весьма многопланово: наряду с «англофобией» туркестанского генерал-губернатора дается общая характеристика его статуса как «первого вице-короля» в истории Российской империи (с учетом его исключительных полномочий на осуществление имперской политики в Центральной Азии), подчеркивается стремление улаживать дела путем переговоров, дипломатические способности, но также осуждаются многочисленные траты на развитие Туркестана и реализацию внутренних и внешних проектов (Сергеев 2012: 106–115). Е. А. Правилова в монографии о финансовой политике Российской империи по отношению к окраинам затрагивает проблемы взаимодействия К. П. фон Кауфмана с Министерством финансов и рядом других ведомств, отмечая наличие конфликтов между ними, но при этом не пытаясь давать субъективных оценок (Правилова 2006: 128–130, 280–281)⁸.

Тем не менее, наряду с авторами, целью которых является ввод в оборот новых документов, а не оценка деятельности участников событий, встречаются научные и научно-популярные работы, авторы которых сознательно или подсознательно все же стараются «обелить» Кауфмана, оценить его деятельность преимущественно положительно (Васильев 2002; 2006; Глушенко 2000: 29–176; 2001: 21–203; 2010; Проскурин 2012). При этом большинство из них ограничивается общей характеристикой военной и административной деятельности Кауфмана, и лишь отдельные исследователи сосредоточиваются на конкретных ее направлениях — просвещение (Беленчук 2002), научная и информационная сферы (Прищепова 2011), ставя перед собой тем не менее ту же цель: показать положительную роль Кауфмана в развитии Туркестана. Можно предположить, что подобная позиция является своего рода ответом на труды современных среднеазиатских историков, которые в лучших традициях советских авторов всячески стараются принизить положительное значение деятельности Кауфмана в регионе, охарактеризовать его как «колонизатора» и пр.

Второе направление в современной историографии, в той или иной степени посвященной личности и деятельности К. П. фон Кауфмана, связано с тем, что активизировались контакты современных ученых с западными коллегами, появилась возможность ссылаться на труды не только отечественных классиков, но и западных исследователей. На первый взгляд, подобный подход должен обеспечить объективное и непредвзятое отношение к оценке личности и деятельности Кауфман, однако, как оказывается на практике, нередко работы, подготовленные с использованием ссылок на зарубежных коллег, по сути, представляют собой (как минимум отчасти) трансляцию

⁸ Нейтральная характеристика К. П. фон Кауфмана представлена и в коллективной работе, посвященной истории Центральной Азии в составе Российской империи (Центральная Азия... 2008).

идей и концепций западных авторов, негативно относящихся и лично к Кауфману, и к политике Российской империи на национальных окраинах. Так, С. Н. Абашин, оценивая деятельность туркестанского генерал-губернаторства, утверждает: «Наконец, надо иметь в виду и личный момент: Кауфман был, *видимо* (курсив наш. — Р. П.), человеком увлекающимся, любил принимать самостоятельные решения и с трудом отказывался от них» (Абашин 2001: 44). При этом он не ссылается на какие-либо свидетельства современников (которые при желании нетрудно было бы найти, учитывая отмеченное выше большое количество воспоминаний о Кауфмане) и не приводит никаких других аргументов в пользу этого предположения. При анализе научной и просветительской деятельности К. П. фон Кауфмана С. Абашин, опираясь на концепцию ориентализма Э. Саида, приписывает подобные же воззрения и самому Кауфману (Абашин 2012: 121; 2015: 615), что, на наш взгляд, является упрощением позиции первого генерал-губернатора Туркестанского края⁹. Еще один исследователь истории и культуры Русского Туркестана С. М. Горшенина интерпретирует действия Кауфмана, опираясь преимущественно на западную историографию и, как следствие, изначально негативно их оценивает: по мнению исследовательницы, все его усилия по созданию «Туркестанского сборника» и «Туркестанского альбома» оказались совершенно неэффективны и к тому же имели целью создание политических предпочтений и удовлетворение личных амбиций самого генерал-губернатора, а не действительное ознакомление общественности с особенностями и возможностями Туркестана. Саму работу над упомянутыми проектами она характеризует как «гигантоманию» (Горшенина 2007: 299–304; 2012: 200–201; см. также: Горшенина 2019: 62).

Близкую позицию занимают авторы, которые прибегают к «избирательному» использованию официальных документов и воспоминаний современников, в результате чего формируется, скорее, негативный образ К. П. фон Кауфмана и как человека, и как государственного деятеля. Наиболее ярко, впрочем, этот подход проявляется в ряде работ начала XXI в., в которых анализируется деятельность Кауфмана еще не в Туркестане, а в Северо-Западном крае / Виленском генерал-губернаторстве, которое он возглавлял в 1865–1866 гг. Авторы этих работ, осуждая имперскую политику «русификации» края в 1860–1870-е гг., дают оценку действиям Кауфмана, в частности, на основе переписки и дневников министра внутренних дел П. А. Валуева, относившегося к Кауфману резко негативно (Бендин 2010; Долбилев 2010; Комзолова 2005). При этом они забывают о гораздо более многочисленных положительных оценках Кауфмана и его деятельности в крае, содержащихся в записках не только его подчиненных (вышеупомянутые А. Гене, И. П. Корнилов, И. А. Никотин и др.), но и других крупных государственных и общественных деятелей (обер-прокурора Синода Д. А. Толстого, высокопоставленного чиновника МИД Ф. И. Тютчева, публициста М. Н. Каткова и др.).

Итак, можно констатировать, что деятельность К. П. фон Кауфмана привлекала внимание исследователей начиная с его современников и продолжает вызывать интерес историков сегодня. Однако до сих пор не удалось создать полноценной научной биографии этого деятеля. Сначала этому мешали идеологические установки как дореволюционного, так и советского периода. Сегодня же до некоторой степени проблемой является обилие введенных в оборот документов и чрезмерное разнообразие в оценках Кауфмана представителями исторической науки разных периодов (и разных стран — бывших республик СССР). Деятельность Кауфмана и в самом деле была весьма масштабной, осуществлялась по многим направлениям, так что, безусловно, оценка

⁹ Впрочем, справедливости ради следует отметить, что подобные оценки деятельности К. П. фон Кауфмана в трудах С. Н. Абашина присутствуют лишь применительно к отдельным ее направлениям. В целом же нельзя не признать, что исследователь дает характеристику деятельности первого туркестанского генерал-губернатора на основе анализа многочисленных документов и обращает внимание на действительно проблемные аспекты его политики, в частности на противоречивость его одновременно «консервативных» и «либеральных» воззрений (Абашин 2001: 41–44).

ее — это масштабный труд, вероятно, целого исследовательского коллектива. При этом исследователям, конечно же, не следует забывать и о «личностном факторе», то есть особенностях характера первого туркестанского генерал-губернатора, его отношениях с другими политическими, государственными и военными деятелями, что, конечно же, в значительной степени повлияло на его действия и должно быть учтено при оценке их последствий.

Ряд обозначенных вопросов, как представляется, может прояснить действия Кауфмана по формированию собственного образа, которые, насколько известно, специально не изучались. В качестве источников могут быть использованы как свидетельства современников (воспоминания) о действиях подобного рода, так и его собственные работы.

Свою позицию К. П. фон Кауфман выражал в многочисленных (и, по свидетельству современников, весьма многословных¹⁰) публичных выступлениях перед теми, в отношении кого он намеревался проводить те или иные преобразования. О том, какое значение он придавал этим публичным выступлениям, свидетельствует публикация их полных текстов как в газетных отчетах о его поездках (Поездка... 1865; Поездка... 1866), так и в виде отдельных изданий (Слова... 1868). Большое внимание Кауфман уделял «внешнему имиджу»: по Ташкенту, столице Туркестанского края, он перемещался в парадном мундире с орденами, в сопровождении многочисленной охраны, формируя среди местного населения образ полномочного представителя Российской империи в регионе. Этой же цели служил и указ Александра II о назначении Кауфмана туркестанским генерал-губернатором. Этот документ, написанный золотыми чернилами и помещенный в золотой переплет, хранился на видном месте и, конечно же, тоже производил впечатление на представителей местных элит, именовавших Кауфмана «ярим падшо» («полуцарем») (Трепавлов 2018: 89).

Что же касается собственных произведений К. П. фон Кауфмана, то, вероятно, в силу его занятости их количество оказалось невелико, что повышает их ценность как источника сведений о самом авторе. Наряду с издававшимися им правовыми актами, материалами его официальной и личной переписки (несомненно, отражающими как особенности его позиции по тем или иным вопросам, так и некоторые личные качества и черты), имеется несколько публикаций научного плана. Самое крупное произведение К. П. фон Кауфмана — «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства», подготовленный им в 1881 г., но отпечатанный и представленный императору уже после его смерти, в 1885 г. (Проект... 1885). Несмотря на официальный характер этого документа и обилие в нем специфической информации административного и финансового характера, он в значительной степени отражает и воззрения Кауфмана по поводу российской политики в Средней Азии. Другие произведения менее объемны, но свидетельствуют о широких и разносторонних интересах их автора. Среди них — статья о значении казачьих подразделений в вооруженных силах (Кауфман 1869), концепция организации образовательной системы в Туркестане (Кауфман 1910), незавершенное и неопубликованное исследование о фортификации (РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 74). Кроме того, в «Туркестанских ведомостях» была опубликована статья «Взгляд К. П. фон Кауфмана на Афганистан», в основу которой, предположительно, легло еще одно его неопубликованное произведение — «Россия и Афганистан» (ТС 1910 Т. 543: 166–171). Это дает основание полагать, что стремление К. П. фон Кауфмана лично контролировать все, в том числе и самые специфические направления административного развития Туркестанского края, явилось следствием его весьма широкого кругозора и большой эрудиции, умения достаточно быстро

¹⁰ Даже положительно относившийся к Кауфману виленский чиновник А. Гене приводит в своих воспоминаниях поговорку, появившуюся в Северо-Западном крае, согласно которой этот генерал-губернатор «много говорил, мало делал» (Гене 1914: 581–582).

приобретать новые знания и формировать свое мнение по различным вопросам, находившимся в сфере его ведения. Таким образом, исследование работ самого Кауфмана может составить отдельное направление в рамках изучения его биографии.

Можно констатировать, что анализ личности и деятельности К. П. фон Кауфмана представляется сегодня актуальной задачей, решение которой возможно лишь на основе комплексного, междисциплинарного подхода с учетом различных концепций и авторских позиций и, самое главное, с привлечением самых разных групп источников, что должно способствовать формированию объективного и непредвзятого образа этого, несомненно, выдающегося государственного деятеля Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 74. Фон-Кафманы.
- Абашии С. Н.* Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации 1860–1880-х годов // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.
- Абашии С.* Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). С. 120–138.
- Абашии С. Н.* Советский кишлак. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. СПб., 2006. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе.
- Беленчук Л. Н.* Генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман и его просветительская деятельность // Педагогика. 2002. № 1. С. 79–85.
- Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010.
- «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / сост., предисл. и примеч. Т. Н. Загородниковой. М., 2014.
- Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX века: антропология власти: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011.
- Бухерт В.* «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003а. № 1 (61). С. 5–20.
- Бухерт В.* «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003б. № 2 (62). С. 9–23.
- Бухерт В. Г.* «Если бы я захотел резни, то она была бы». Письмо К. П. фон Кауфмана А. А. Кирееву. 1876 г. // Восточный архив. 2016. № 1 (33). С. 17–22.
- [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1–2.
- Васильев А.* Падишах наполовину // Родина. 2006. № 10. С. 5–10.
- Васильев Д. В.* Устроитель Туркестанского края (к биографии К. П. фон-Кауфмана) // Сборник Русского исторического общества. 2002. Т. 5 (153). С. 45–57.
- Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003.
- Волков И. В.* Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межкультурного сотрудничества в Средней Азии // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 2 (28). С. 5–15.
- Галузо П. Г.* Туркестан-колония (очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). Ташкент, 1935.

- Гене А.* Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. Т. 158. С. 418–434, 580–610.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1959. Т. 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864–1865 годов.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1960. Т. 19: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866–1867 годов.
- Глущенко Е. А.* Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., 2000.
- Глущенко Е. А.* Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001.
- Глущенко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- Горшенина С.* Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // *Ab Imperio*. 2007. № 3. С. 291–354.
- Горшенина С.* Ташкент: (не)-экзотический город // *Ориентализм / Оксидентализм: языки культуры и языки их описания*. М., 2012. С. 186–205.
- Горшенина С. М.* Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон, 2019.
- Дмитриев Г. Л.* Самаркандский вопрос в русско-бухарских отношениях 1867–1873 гг. // *Материалы по истории присоединения Средней Азии к России*. Ташкент, 1969. Ч. 1. С. 74–92.
- Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Зияев Х. З.* К истории завоевания узбекских ханств царизмом // *Общественные науки в Узбекистане*. 1990. № 1. С. 22–30.
- Ильин Н. Д.* В новом краю: роман хроника из времен завоевания Туркестанского края. Ташкент, 1913. Т. 1–2.
- История народов Узбекистана*. Ташкент, 1947. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции.
- Карпеев И. В.* Из воспоминаний генерала А. Н. Куропаткина. 1867–1882 гг. // *Исторический архив*. 1994. № 1. С. 185–195.
- Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.
- Кауфман К. I-й.* Казаки в составе кавалерийских дивизий // *Военный сборник*. 1869. № 9. С. 41–52.
- Кауфман К. П. фон.* Начальное народное образование в Туркестанском крае. 1881 г. СПб., 1910. Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I-го. М., 1910.
- [Колокольцев Д. Г.] Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова 1887 года (о Константине Петровиче Кауфмане). М., 1887.
- Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
- Корнилов И.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. СПб., 1901.
- Кравчук А. С.* Институт губернаторства в Таврической губернии: антропология власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2016.
- Левтеева Л. Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент, 1986.
- Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.
- [Милютин Д. А.] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860–1862. М., 1999.

- [Милютин Д. А.] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864. М., 2003.
- [Милютин Д. А.] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005.
- [Милютин Д. А.] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006.
- [Милютин Д. А.] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875. М., 2008.
- [Милютин Д. А.] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878. М., 2009.
- [Милютин Д. А.] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881. М., 2010а.
- [Милютин Д. А.] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890. М., 2010б.
- [Никотин И. А.] Из записок Ивана Акимовича Никотина // Русская старина. 1903. Т. 119. С. 306–320.
- [Остроумов Н. П.] Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). Ташкент, 1899.
- Павлов С., Рабинович М.* Кокандское восстание (1875–1876 гг.) // Борьба классов. 1936. № 4. С. 47–65.
- Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958.
- Поездка г. главного начальника Северо-Западного края генерал-адъютанта фон Кауфмана в Ковенскую губернию в 1865 году. Ковна, 1865 (оттиск из «Ковенских губернских ведомостей»).
- Поездка г. главного начальника Северо-Западного края Константина Петровича фон Кауфмана по Ковенской губернии в июне 1866 года. Вильна, 1866 (оттиск из «Виленского вестника»).
- Правилова Е.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006.
- Прищепова В. А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.
- Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885.
- Проскурин В. М.* Генерал Кауфман и первые преобразования Туркестанского края // Культурное наследие немцев в Центральной Азии. Алматы, 2012. С. 8–23.
- Рабинович И.* Завоевание Туркмении царскими войсками (1883–1885 гг.) // Борьба классов. 1936. № 8. С. 1–11.
- Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Слова, сказанные г. туркестанским генерал-губернатором 22 января 1868 года... Ташкент, 1868. Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 132.
- Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1–2.
- Толбухов Е. М.* В борьбе за русское дело (эпизод из государственной деятельности К. П. фон Кауфмана) // Исторический вестник. 1909. Т. 116. С. 91–131.
- Толбухов Е.* Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. Т. 134. С. 891–909.

- Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018.
- Бабаджанов Б. М., Котюкова Т. В., Махмудов О. А., Абашии С. Н.* Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М., 2016.
- Туркестанский сборник. Ташкент, 1907. Т. 434; 442; 444.
- Туркестанский сборник. Ташкент, 1908. Т. 460; 464; 465.
- Туркестанский сборник. Ташкент, 1910. Т. 543.
- Федоров Г. П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 9. С. 786–812; № 10. С. 30–55.
- Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965.
- Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашии, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М., 2008.
- Чижев Б.* Генерал-адъютант инженер-генерал Константин Петрович фон-Кауфман. 1818–1882. Биографический очерк. Пг., 1915.
- Штейнберг Е. Л.* Война Афганистана за независимость в 1878–1880 годы // Исторический журнал. № 2. 1941. С. 56–67.
- Эвальд А. В.* Воспоминания о К. П. фон Кауфмане // Исторический вестник. 1897. Т. 70. С. 184–199.

**EVOLUTION OF THE EVALUATION OF THE PERSONALITY
AND ACTIVITIES OF THE FIRST TURKESTAN GOVERNOR-GENERAL
K. P. VON KAUFMAN'S IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

ABSTRACT. The article aims to trace the evolution of the evaluation of the personality and activities of K. P. von Kaufman, the first Governor-General of the Turkestan Region, in the Russian pre-revolutionary, Soviet and modern historiography. Using the methods of political anthropology in the historical research allows a clear understanding of why the first authors who wrote about Kaufman tried to idealize him and then transformed him into a “sketchy” figure among the other heads of Turkestan administration who personified the successes of the Russian Empire in the region. Analysis of specific features of the political situation and personal attitudes of some authors towards the contemporary Turkestan authorities allows to clarify the reasons of the establishment of Kaufman’s negative image in the beginning of the twentieth century as well as in the historical works of the first decades of the Soviet period, the later “neutral” relation to him by historians and, at last, the attempts to “rehabilitate” this statesman in the post-Soviet Russian historiographical tradition. The author finds that, despite the interest Kaufman was paid since 1880s and up to the present day, his personality was rather contradictory and his activities too large-scaled to create his general and unambiguous historical biography, especially keeping in mind the changing attitudes towards Russian imperial policy in general and, particularly, its Central Asian direction.

KEYWORDS: K. P. von Kaufman, Russian Empire, Central Asia, Russian historiography, anthropology of power, person in history

ROMAN YU. POCHEKAEV — Candidate of Juridical Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, St. Petersburg)
E-mail: prochekaev@hse.ru